

на рацэ Жоўтыя воды, у якой сам не ўдзельнічаў. У П.К. Абуховіча няма апісання гэтае бітвы, баталістычныя карціны часцей за ўсё маюцца ў дыярыушах на тое запраграмаваных.

Урэшце можна сказаць, што ў «Дыярыушы» П.К. Абуховіча ўвесь матэрыял дзеліцца на дзве часткі: першая – з інфармацыяй, пададзенаю з чужых слоў. Яна, адпаведна, ёсць пераказам, мемуарны герой у ёй адсутнічае. Другая – гэта інфармацыя аб тым жа самым, але пададзеная ў аўтапсіі, як бачанае сваімі вачамі або, яшчэ лепш, мемуарыст выступае ў непасрэднай сувязі з канкрэтнай грамадска-палітычнай ці прыватнай сітуацыяй, сведкам якой быў. Запіс можа быць па гарачых слядах, а можа ісці, як позірк назад – рэтраспектыўны абы толькі занатаваць падзеі для гісторыі і для нашчадкаў. Першае абуховічавае «я», якое ўказвае на яго прысутнасць і ўдзел у дзяржаўных справах Рэчы Паспалітай, вычытваецца з 1632 г., калі мемуарыст пасля смерці караля Жыгімонта II быў на Трыбунальскіх судах, а потым на каптуровых і, нарэшце, на канвакацыі Уладзіслава IV. З гэтага часу, хоць і нерэгулярна, ідзе выява канструкцыі «аўтар-герой-апавядальнік» у асобе аднаго Абуховіча.

Несумненна, героямі запісаў станавіліся і іншыя людзі, уведзеныя ў фактуру па самых розных прычынах: заўчаснай смерці, незвычайнасці ўчынку (напрыклад, Пякарскі, які ў 1621 г. замахнуўся на жыццё караля). Калейдаскапічна мігцяць на старонках «Дыярыуша» прозвішчы князёў, гетманаў, ваяводаў – асоб самага высокага дзяржаўнага стану, што прадвызначалі лёс Рэчы Паспалітай, яе абарону, клопаты за годнасці ў вачах свету і за самога мемуарыста. У гэтым сэнсе «Дыярыуш» смаленскага ваяводы можна назваць элітарным, бо ні аднаго паспалітага імя ён не назваў, не ўдастоіў гонару ўвесці ў аналы гісторыі, як і ніводнай бытавой сітуацыі са свайго прыватнага жыцця не пераказаў, ні разу не пажартаваў, а тым болей не заўсміхаўся. Гэта, у сваю чаргу, дае падставы сцвярджаць, што праца і інтарэсы П.К. Абуховіча найперш скіраваны на дзяржаўныя справы, і таму яго «Дыярыуш» можна назваць яшчэ і ўвогуле дыярыушам Рэчы Паспалітай 1630–1654 гг.

1. Дыярыуш Піліпа Казіміра Абуховіча, Ваяводы Смаленскага, Маршалка кола рыцарскага / пераклад з польск., прадм. і камент. В.У. Таранеўскага // Польша. – 1995. – № 7. – С. 153–188.

2. Brückner, A. Dzieje literatury polskiej w zarysie / A. Brückner. – Warszawa, 1908. – Т.1.

3. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / уклад., прадм., камент. І. Саверчанкі. – Мінск : Кнігазбор, 2007. – 605 с.

Евстратьев О.И.

«ОПИСАНИЕ ЛИВОНИИ» КАРЛА ИОГАННА ФОН БЛОМБЕРГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Интерес отечественных исследователей к истории Ливонии неуклонно возрастает, что обусловлено осознанием близости исторических судеб прибалтийских и белорусских земель [5]. Расширение проблемного поля нашей исторической науки за счет обращения к данной проблематике вызвало необходимость обстоятельного анализа ее источниковой базы. Такая работа уже ведется [1]. Несмотря на это, ливонская тематика остается на обочине белорусской историографии, сосредоточенной в первую очередь на «внутренних», актуальных в пределах государственных границ современной Республики Беларусь, проблемах отечественной истории. При этом сами «ливонские штудии» посвящены преимущественно таким исследовательским векторам, как борьба с крестоносцами, Ливонская война и Инфлянты как польско-литовский кондоминиум. В этой связи из поля зрения белорусских историков выпадает проблематика, выходящая за пределы первой половины XVII в. в хронологическом плане, а также герцогство Курляндия и Семигалия, более двух веков находившееся в вассальной зависимости от Великогерцогства Литовского и Речи Посполитой и в этой связи представляющее большой интерес для отечественной исторической науки, – в территориальном.

Всестороннее рассмотрение той или иной исторической проблемы требует обращения не только к документальным источникам («остаткам»), дающим сведения о внешней стороне того или иного явления, но и к повествовательным («преданиям»), отражающим мышление эпохи и позволяющим нам взглянуть на изучаемые процессы и события как бы изнутри, или, выражаясь словами английского историка Робина Джорджа Коллингвуда, «воспроизвести прошлое в собственном сознании» [3, с. 269]. Относительно истории Курляндского герцогства одним из таких источников является «Описание Ливонии» барона Карла Иоганна фон Бломберга. Источниковый потенциал данного произведения до сих пор не раскрыт. Специалист по прибалтийско-немецкой историографии Янис Зутис видел в нем лишь историческое сочинение, отличающее-

ся «полным отсутствием каких-либо достоинств» [2, с. 58]. Тем не менее судьба автора данной книги позволяет говорить об обратном.

Карл Иоганн происходил из курляндской ветви знатного рода фон Бломберг, возникшего в XIII в. в Вестфалии. По наследству ему досталось имение Зергемитен недалеко от Газенпота (совр. Айзпуте в Латвии), первым владельцем которого был его прадед Генрих, родившийся в 1513 г. В 1670 г. Иоганн Альберт, дед Карла Иоганна, приобрел для себя и своих потомков почетное звание барона (*Freiherr*) Священной Римской империи [09, с. 472]. Отец героя данного очерка Николаус занимал важную государственную должность обергауптманна округа Пильтен. Активный период жизни Карла Иоганна, годы которой, к сожалению, неизвестны, пришелся на конец XVII в., когда в Курляндском герцогстве правил Фридрих Казимир (1682–1698). Вдова последнего герцогиня Елизавета София в 1698 г. отправила барона в посольство ко дворам Кёнигсберга, Берлина, Ганновера, Херворда, Касселя, Гомбурга, Кёльна, Зигена, Гааги, Лондона и др. с сообщением о смерти своего супруга [010, с. 189–190]. Необходимо отметить, что опыт дипломатической службы в роду Бломбергов уже был: в 1682 г. упомянутый выше Иоганн Альберт был послан германским императором Леопольдом I к российскому царю Ивану V и юному Петру I с целью склонить их ко вступлению в войну против турок [011, с. 253]. Завершив посольство, Карл Иоганн остался в Англии, где до самой смерти в начале XVIII в. занимал должность главного конюшего при дворе английского монарха.

Таким образом, автор рассматриваемого произведения отличался благородным происхождением и занимал высокое государственное положение в Курляндии и за ее пределами. Жизненный опыт этого человека, отраженный в созданном им труде, вызывает большой интерес в плане изучения общественно-политической обстановки в Курляндском герцогстве и Европе рубежа XVII–XVIII вв., а также сословного и исторического мышления представителя высших слоев курляндской аристократии той эпохи. Одним из наиболее вероятных мотивов публикации книги по истории Ливонии для Бломберга стал возросший в Европе, в частности в Англии, интерес к Прибалтийскому региону в связи с развернувшейся там войной. Выходец из Курляндии мог удовлетворить спрос европейского читателя на подобного рода произведения. Труд Карла Иоганна состоит из 17-ти писем, личное происхождение которых позволяет предположить наличие в них непреднамеренных оценок и стереотипов, характеризующих мировоззрение автора как представителя своей эпохи и повышающих репрезентативность данного источника. Письма адресованы другу Карла Иоганна в Лондоне, где книга и была впервые опубликована в 1701 г. на английском языке [6]. Вероятно, она пользовалась популярностью, т.к. в 1705 г. вышло ее второе издание на французском языке [7], что делает изучение этой книги еще более важным: она формировала представления о Прибалтийском крае у западноевропейцев, в частности, в Англии и Франции, в условиях недостатка там работ по данной тематике.

Рассматриваемое произведение можно разделить на две части. Первая, более обширная (письма I–XII), представляет собой очерк по истории старой Ливонии и соседних стран со времен появления людей в Северной Европе до проведения редукции дворянских имений в Шведских Эстляндии и Лифляндии (последние записи за 1685 и 1692 гг.). Данная часть выполнена в форме хроники, т.е. содержит хронологическую сетку, что вполне характерно для прибалтийско-немецкой историографии XVII в. Автор демонстрирует неплохое знание работ предшествующих ему хронистов и историков. В основу «исторических» писем Бломберга легла вышедшая в 1695 г. работа эстляндского историка Христиана Кельха, оказавшая сильное влияние на прибалтийско-немецкую историографию конца XVII – первой половины XVIII вв. [8]. Также автор пользовался трудами Тацита, Петра из Дусбурга, Соломона Геннинга, Альберта Кранца, Александра Гваньини, Дионисия Фабрициуса, Самуэля Пуфендорфа и др. С методологической точки зрения, Бломберг подходит к ним не критически. Данная часть его работы является компиляцией из произведений названных авторов. Таким образом, она не представляет интереса в событийном плане: новых фактов, за исключением копий некоторых якобы аутентичных документов, о происхождении которых, однако, умалчивается [06, с. 32–34, 79–83, 147–149, 183–190], автор не приводит. Однако Бломберг не воздерживается от оценок тех или иных моментов прошлого, а также транслирует имевшие хождение в то время представления о старых временах в истории Ливонии и соседних стран, что вызывает интерес в смысле изучения исторического сознания его эпохи.

Особенно ярко автор выражает свое восхищение германцами: он не скупится на слова, воспевая их исключительные качества [6, с. 7–13]. Преклонение Бломберга перед германской культурой нашло отражение даже в языке публикации. Все существительные в книге начинаются с прописных букв, что в конце XVII в. было характерно для книжного немецкого языка, при этом сами письма написаны на новоанглийском. Такое отношение к германцам неудивительно. Говоря про ливонскую и курляндскую знать, к которой принадлежит автор, Бломберг отмечает, что «они по роду и происхождению германцы, а по нации ливонцы, куронцы, пруссы, пильтенцы и т.д.» (*Gente & Origine Germani, sed Natione Livones, Curones, Prussici, Piltences etc.*) [6, с. 10]. Данное сообщение может свидетельствовать об этнической и политической самоидентификации автора и его окружения. С другой стороны, негативной коннотацией наполнены оценки Московии, которую Бломберг характеризует, как «обширную Русскую деспотическую монархию» [6, с. 14]. По поводу Ивана IV барон говорит, что «величайшие тираны, про которых я когда-либо читал, были милосердны по сравнению с этим» [6, с. 122]. В этой связи крайне лестных оценок автора удостаиваются немцы, успешно боровшиеся с москвитями. Особенно это касается ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга, который в 1501 г. не более чем с 12 тыс. человек разбил русское войско якобы в 130 тыс. воинов [06, с. 75–76]. Можно предположить, что Бломберг отражает представления о Московии, сложившиеся в немецкоязычной среде еще в годы Ливонской войны и сразу после нее [4, с. 159]. Однако польско-литовских правителей, с которыми Тевтонский орден долгое время вел борьбу, автор, вассал Речи Посполитой, представил в ином свете. Дань уважения он отдает Стефану Баторию, боровшемуся с москвитями, а Казимира IV он изображает освободителем Пруссии из-под гнета рыцарей Тевтонского ордена [6, с. 40, 119]. Как ни странно, Бломберг критически отзывается о Тевтонском и Ливонском орденах, а также католических епископах в Ливонии. Автор демонстрирует приверженность гуманистическим идеалам, отрицательно характеризуя насильственную христианизацию местного населения и использования их как рабов [6, с. 29–30, 60]. Причины распада Ливонской конфедерации курляндский барон, как и большинство его предшественников, видит в ее внутреннем разложении, ставшем следствием алчности и праздности клира и рыцарей, а также в отсутствии внутреннего единства Ливонии [6, с. 89–90]. Таким образом, образование Курляндского герцогства Бломберг расценивает весьма положительно [6, с. 99–101].

Вторая часть книги представляет больший интерес, поскольку касается вопросов истории Курляндии, Семигалии, Пильтена и европейских стран, свидетелем которых был сам автор, либо сведения о которых он получил из более надежных источников. Ее также можно разделить на две группы. Первая (письма XIII–XV) затрагивает различные аспекты из жизни герцогства Курляндия и Семигалия, а также епископства Пильтен. Вторая (письма XVI–XVII) описывает посольство Бломберга. Курляндский барон был заинтересован в создании положительного образа своей страны и сословия у европейского читателя. В этой связи письма, посвященные Курляндии, содержат преимущественно восхваление ее правителей, населения и природы. Особое внимание автор уделяет оправданию вассального статуса герцогства: «я не знаю каких бы то ни было принцев, которым бы их сеньор оказывал столько почестей и уважения, как герцогу Курляндии оказывают короли Польши» [6, с. 213]. Бломберг стремится возвысить значение Курляндии в международном масштабе, приводя в пример Священную Римскую империю и Италию, где некоторые вассалы могут быть могущественнее своих сеньоров [6, с. 224]. Не обходит стороной он и правителей Речи Посполитой, которых автор приравнивает к величайшим христианским монархам [06, с. 217]. Аналогичной характеристики удостаиваются все аспекты жизни герцогства Курляндия и Семигалия: дворянство, ведущее свою родословную от древних германских родов, наслаждается многочисленными свободами и привилегиями, которые особенно ярко проявились на фоне редукции имений в Шведских Эстляндии и Лифляндии; верность герцогу со стороны знати окупается его любовью и благодушием, что поддерживает мир и спокойствие во всем герцогстве; в религиозном отношении Курляндия отличается терпимостью – там нашли место лютеране, кальвинисты, католики, православные и униаты. Апологетический характер данного произведения обуславливает необходимость соблюдать осторожность при работе с ним. Тем не менее большой интерес представляют сведения, касающиеся частных аспектов повседневной жизни курляндских герцогов, дворянства, горожан и т.п. Они вызывают больше доверия, поскольку, вероятно, Бломберг сам являлся их свидетелем, либо почерпнул знания о них от своих современников. К тому же, в отличие от общегосударст-

венных вопросов, автору не было особого смысла сознательно исказить эти детали. Таким образом, курляндский барон весьма обстоятельно описал придворный быт герцогов [06, с. 212–213, 257–259], церемонию вручения инвеституры послам герцога от короля Яна III Собеского [6, с. 214–216], женскую повседневность [06, с. 255], некоторые свадебные обычаи, бытовавшие в среде знати [6, с. 256], устройство городов, вплоть до материалов, из которых строили дома, дороги и даже печи [6, с. 256, 275–277] и многое другое. Не опускает Бломберг и детали частной жизни герцога Фридриха Казимира. В частности, он повествует об обыкновении герцогини наряжаться вместе с придворными дамами в амазонок и сопровождать в таком виде охоту, излюбленное занятие герцога [06, с. 259]. В конце концов, автор приходит к заключению, что нет ни одного германского принца, который жил бы столь счастливо, как курляндский герцог, окруженный храбрым, богатым и почтительным дворянством. Аналогичным образом интерес представляют письма, описывающие посольство барона фон Бломберга, в которых он делится впечатлениями об увиденном в германских и других городах [06, с. 289–332]. Важно отметить, что автор определенным образом был причастен к колониальной политике Курляндского герцогства, о чем свидетельствует постскриптум к его последнему письму [06, с. 334–335].

Таким образом, данная работа является продуктом своего места и времени. Автор, повествуя в своих письмах к английскому другу о Курляндском герцогстве и Ливонских древностях, так или иначе преследовал апологетическую цель. Учитывая, что эта книга в начале XVIII в. являлась одним из немногих источников знаний о Прибалтике в Англии и Франции, имеет смысл попытаться ответить на вопрос, какой же образ края она формировала у читающей европейской публики. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что перед ними представало величественное и могущественное Курляндское герцогство, корнями уходящее в богатую славными событиями историю Ливонии. Его прошлое и настоящее ничуть не хуже, чем у других европейских государств. В этой связи родина курляндского барона могла претендовать на равное место в ряду ведущих европейских держав. Несмотря на ярко выраженный оценочный характер данного произведения, оно может дать ценные сведения не только о мировоззрении эпохи, но и о курляндской повседневности конца XVII в. и других вопросах.

1. Дзярновіч, А. І. "... in Nostra Livonia". Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін памяж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз / А. І. Дзярновіч. – Мінск : АТНЕНАЕUM, 2003 – Т. 1. – 374 с.

2. Зутис, Я. Я. Черки по историографии Латвии. Часть 1. Прибалтийско-немецкая историография / Я. Я. Зутис. – Рига : Латгосиздат, 1949. – 259 с.

3. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 488 с.

4. Филюшкин, А. И. «Лифлянская хроника» Соломона Геннинга / А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2013. – № 1. – С. 157–168.

5. Якубаў, В. У. Інфлянты ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. У. Якубаў. – Мінск, 2013. – 135 л.

6. Blomberg, Frhr. K.J. von. An Account of Livonia with a relation of the rise, progress, and decay of the Marian Teutonick order. The several revolutions that have happen'd there to these present times, with the wars of Poland, Sweden and Muscovy contending for that Province. A particular Account of the Dukedoms of Courland, Semigallia and the province of Pilten. To which is added the Author's Journey from Livonia to Holland, in 1698 with his observations upon Prussia, Brandenburg, Hanover, Hesse, and several other German Courts. Sent in Letters to his friend in London / Frhr. K.J. von Blomberg. – London: Printed for Peter Buck, 1701. – 335 p.

7. Blomberg, Frhr. K.J. von. Description de la Livonie, avec une relation de l'origine, du progrès, et de la décadence de l'ordre Teutonique. Des revolutions, qui sont arrivées en ce pays jusqu'à, notre temps, avec les guerres, que les Polonois, les Suedois, et les Moscovites ont eues ensemble pour cette province. On y decrit des duchez de Courlande et de Semigalle, et la province de Pilten. Enfin on y trouve le voyage de l'auteur de Livonie en Hollande l'an 1698. Avec quelques remarques sur la Prusse, Brandebourg, Hanover, Hesse et plusieurs autres cours d'Allemagne / Frhr. K.J. von Blomberg. – Utrecht: Guillaume van Poolsum, 1705. – 394 p.

8. Kelchen, C. Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denkwürdigsten Kriegs- und Friedens-Geschichte Esth-, Lief- vnd Lettlandes... bis auff's 1690 Jahr / C. Kelchen. – Reval, Rudolphstadt: J. Wehner, H. Urban, 1695. – 639 s.

9. Kneschke, E.H. Neues allgemeines deutsches Adels-Lexicon / E.H. Kneschke. – Leipzig: Friedrich Voigt, 1859. – 1. Bd. – 615 s.

10. Recke, J.F. von. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon der provinzen Livland, Esthland und Kurland / J.F. von Recke, K.E. Napiersky. – Mitau: J.F. Steffenhagen u. Sohn, 1827. – 1. Bd. – 626 s.

11. Zedlitz-Neukirch, Frhr. L. von. Neues preussisches Adels-Lexicon oder genealogische und diplomatische Nachrichten von den in der preussischen Monarchie ansässigen oder zu derselben in Beziehung stehenden fürstlichen, gräflichen, freiherrlichen und adeligen Häusern, mit der Angabe ihrer Abstammung, ihres Besitzthums, ihres Wappens und der aus ihnen hervorgegangenen Civil- und Militärpersonen, Helden, Gelehrten und Künstler / Frhr. L. von Zedlitz-Neukirch. – Leipzig: Gebrüder Reichenbach, 1836. – 1. Bd. – 465 s.